

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

О ПРИСОЕДИНЕНИИ
БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ
К АВСТРИИ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 37

Весь Толстой в один клик

Лев Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 37. Произведения 1906–
1910 гг. О присоединении Боснии
и Герцеговины к Австрии**

«Библиотечный фонд»

1908

Толстой Л. Н.

Полное собрание сочинений. Том 37. Произведения 1906–1910 гг. О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии / Л. Н. Толстой — «Библиотечный фонд», 1908 — (Весь Толстой в один клик)

Содержание

Лев Николаевич	5
Предисловие к электронному изданию	6
О ПРИСОЕДИНЕНИИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ К АВСТРИИ	8
I	8
II	10
III	12
IV	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лев Николаевич Толстой

О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии (1908 г.)

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1956

Электронное издание осуществлено
в рамках краудсорсингового проекта
[«Весь Толстой в один клик»](#)

Организаторы:

[Государственный музей Л.Н. Толстого](#)

[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)

[Компания АБВУУ](#)

Подготовлено на основе электронной копии 37-го тома
Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого, предоставленной

[Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого

доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 37-му тому Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого включены в настоящее издание

*Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам
info@tolstoy.ru*

Перепечатка разрешается безвозмездно

–

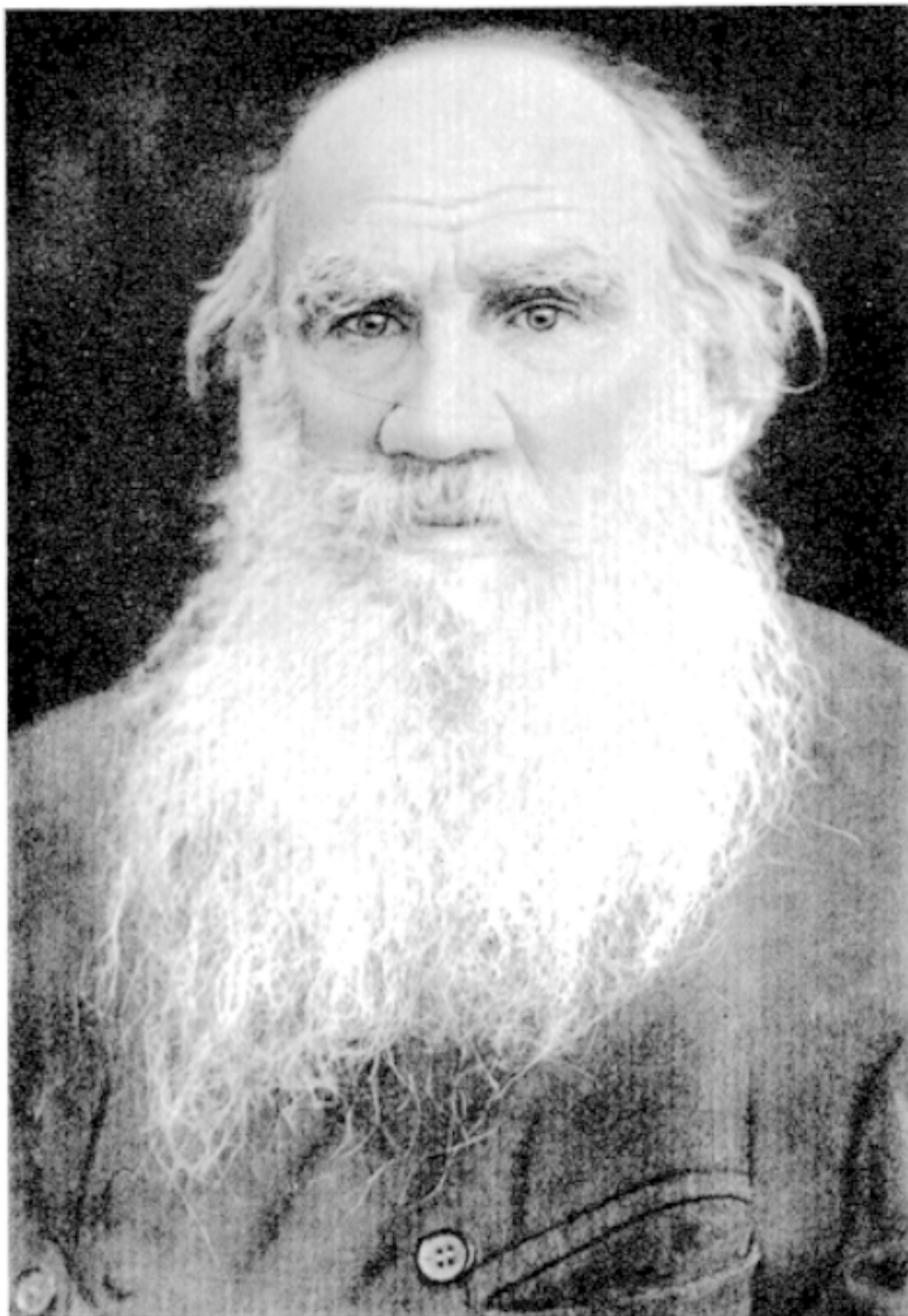
Reproduction libre pour tous les pays.

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

*Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»
Фекла Толстая*

Л. Н. ТОЛСТОЙ. 1908

О ПРИСОЕДИНЕНИИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ К АВСТРИИ

Если бы была задана психологическая задача, как сделать так, чтобы люди нашего времени, христиане, гуманные, просто добрые люди, совершали самые ужасные злодеяния, не чувствуя себя виноватыми, то возможно только одно решение: надо, чтобы было то самое, что есть, надо, чтобы люди были разделены на государства и народы, и чтобы им было внушено, что это разделение так полезно для них, что они должны жертвовать и жизнью и всем, что для них есть святого, для поддержания этого губительного, вредного для них разделения.

Мы так привыкли думать, что одни люди могут устраивать жизнь других людей, что распоряжения одних людей о том, как другие должны верить или поступать, нам не кажутся странными. Если люди могут делать такие распоряжения и подчиняться им, то это только потому, что люди эти не признают в человеке то, что составляет сущность всякого человека: божественность его души, всегда свободной и не могущей подчиняться ничему, кроме своего закона, то есть совести закона бога.

I

Со времени зарождения исторического общества до наших дней всегда и везде существовало притеснение народов государством. Следует ли отсюда заключить, что это притеснение неразрывно связано с человеческим обществом? Конечно, нет. Подобно тому, как государство было исторически необходимым злом в прошлом, так же необходимо будет рано или поздно его полное уничтожение.

Бакунин.

Часто мы называем законы мудростью наших отцов, но это только заблуждение. Законы столь же часто являлись следствием страстей наших предков, их робости, зависти, узкого себялюбия, их властолюбия. Обязанность наша не в том, чтобы рабски следовать им, а в том, чтобы обсуждать их, раскрывая их ошибки.

Годвин.

Одна сербская женщина обратилась ко мне с вопросом о том, что я думаю о совершившемся на днях присоединении к Австрии Боснии и Герцеговины. Я вкратце отвечал ей, но рад случаю высказать тем, кого это может интересовать, насколько я могу ясно и подробно, мои мысли об этом событии. Мысли мои об этом следующие:¹

Австрийское правительство решило признать народы Боснии и Герцеговины, до последнего времени не признававшиеся еще в полной власти австрийского правительства, своими подданными, то есть признало за собой право, без согласия на то самих народов, распоряжаться

¹ Высказав эти мысли о присоединении Боснии и Герцеговины, мне показалось удобным поместить в виде эпитафий некоторые мысли из составляемого мной нового «Круга чтения», уясняющие и подтверждающие основные мысли о государстве и патриотизме, высказанные в этом писании. В тех эпитафиях, которые принадлежат не мне, я позволил себе для упрощения языка и для того, чтобы печатать их не в связи со всем сочинением, а как отдельные мысли, некоторые небольшие изменения. Л. Т.

произведениями труда и жизнями нескольких сот тысяч людей. Присоединение это вызвало сложные дипломатические соображения других правительств и раздражение славянских народов – и в особенности сербского и черногорского, готовящихся, ради противодействия этому поступку австрийского правительства, даже к отчаянной войне с несоизмеримо неравным по военной силе врагом.

Случилось, собственно, очень обыкновенное, постоянно повторяющееся событие. Одно из тех больших разбойничьих гнезд, называемых великими державами, которые посредством всякого рода обманов, лжи, насилия и всякого рода преступлений против самых первых требований нравственности держат в страхе перед собой, ограбляя их, миллионы и миллионы людей, одно из таких гнезд, всё больше и больше забирая власть над совершенно чуждыми ему сотнями тысяч людей славянского племени, решило открыто закрепить эту свою власть и, когда сочло это для себя удобным, объявило, что оно отныне считает народы эти вполне своими подданными. Разбойничье гнездо это, называемое Австрийской империей, рассчитывало на то, что другие такие же разбойничьи гнезда, озабоченные в данную минуту своими делами, пропустят этот захват без требований признания за каждым из них права участия в этом ограблении. Но вышло то, что руководители других подобных же учреждений пожелали участвовать в этом грабеже, и вот уже несколько недель толкуют на своем, как у воров, воровском жаргоне о всякого рода аннексиях, компенсациях, конгрессах, конференциях, декларациях, делегациях и т. п. и не могут пока прийти ни к какому решению.

II

Премудрость божия так устроила мир, что люди не могут быть порабощены и деспотизм невозможен, если люди понимают премудрость божью.

Но владыки мира противопоставили премудрости божией премудрость князя мира сего – дьявола, и дьявол научил их адской хитрости для того, чтобы утвердить их деспотизм.

Он сказал им: «Вот что надо делать. Возьмите в каждой семье молодых людей самых сильных, дайте им оружие и научите их действовать им, и они будут сражаться против своих отцов и братьев, потому что я внушу им, что в этом их слава. Я сделаю им двух идолов, которые назовутся честью и верностью и закон которых будет называться беспрекословным послушанием. И они будут обожать этих идолов и слепо подчиняться этому закону, потому что я извращу их ум, и вам нечего будет бояться».

И угнетатели народов сделали то, что им сказал дьявол, и дьявол сделал то, что обещал угнетателям народов.

И вот люди из народа подняли руку против своих, чтобы избавить своих братьев и заточать своих отцов и даже забывать про тех, которые носили их под сердцем. И когда им говорили: «Во имя всего святого, подумайте о несправедливости и жестокости того, что вам приказывают», они отвечали: «Мы не думаем, мы повинемся».

И когда им говорили: «Разве у вас нет любви к вашим отцам, матерям, братьям?» Они отвечали: «Мы не любим, мы повинемся».

И когда им говорили про бога и Христа, они говорили: «Наши боги – это верность и честь».

Не было соблазна более ужасного этого. Но соблазн этот приходит к концу. Еще немного, и дьявол исчезнет вместе с угнетателями народов.

Ламенэ.

И Микромегас сказал: «О, вы, разумные атомы, в которых вечное существо выразило свое искусство и свое могущество, вы, верно, пользуетесь чистыми радостями на вашем земном шаре, потому что, будучи так мало материальны и так развиты духовно, вы должны проводить вашу жизнь в любви и мышлении, так как в этом настоящая жизнь духовных существ». На эту речь все философы покачали головами, и один из них, наиболее откровенный, сказал, что, за исключением малого числа мало уважаемых деятелей, всё остальное население состоит из безумцев, злодеев и несчастных.

– В нас больше телесности, чем нужно, если зло происходит от телесности, и слишком много духовности, если зло происходит от духовности, – сказал он. – Так, например, в настоящую минуту тысячи безумцев в шляпах убивают тысячи других животных в чалмах или убиваемы ими, и так это ведется с незапамятных времен по всей земле.

– Из-за чего же ссорятся маленькие животные?

– Из-за какого-нибудь маленького кусочка грязи, величиной в вашу пяточку, – отвечал философ. – И ни одному из людей, которые режут друг друга, нет ни малейшего дела до этого кусочка грязи. Вопрос для них только в том, будет ли этот кусочек принадлежать тому, кого называют султаном, или тому, кого называют кесарем, хотя ни тот, ни другой никогда не видал этого кусочка земли. Из тех же животных,

которые режут друг друга, почти никто не видал животного, ради которого они режутся.

– Несчастные! – вскрикнул сириец. – Можно ли представить себе такое безумное бешенство! Право, мне хочется сделать три шага и раздавить весь муравейник этих смешных убийц.

– Не трудитесь делать это, – отвечали ему. – Они сами заботятся об этом. Впрочем, и не их надо наказывать, а тех варваров, которые, сидя в своих дворцах, предписывают убийства людей и велят торжественно благодарить за это бога.

Вольтер.

Признание Австрией босняков и герцеговинцев своими подданными, кроме дипломатических осложнений среди держав, вызвало еще и среди славянских народов сильное волнение, дошедшее в сербском и черногорском народе даже до желания воевать, то есть посредством самых преступных для человека поступков: убийства своих и чужих людей, противодействовать неправильному, по их мнению, вредному и опасному для них поступку австрийского правительства.

Понятно, что старый, с извращенными понятиями человек, называемый австрийским императором, вместе с десятками таких же, как он, людей, с столь же извращенными понятиями, может, находя в этом свою выгоду и подчиняясь древнему суеверию о том, что одни люди, именно они, называющие себя правительством, имеют право и даже обязаны распоряжаться судьбами миллионов, могут, считая это очень хорошим и полезным, признать несколько сот тысяч людей, не имеющих с ними ничего общего, своими подданными и поддерживать это свое решение угрозами убийства всех тех, кто не признает этого решения. Всё это вполне понятно. Но непонятно то, чтобы те сотни тысяч босняков и герцеговинцев и миллионы сербов и черногорцев, возмущенных этим присоединением, не нашли бы никакого иного способа отозваться на это грубое насилие, как только одно из двух: или боснякам и герцеговинцам покориться решению австрийского правительства и признать себя рабами чуждых им людей, или противодействовать этому насильственному против себя поступку тем самым преступным и насильственным поступком, который употребляется против них, то есть насилием и убийством.

Можно понять то, что люди, составляющие большие разбойничьи гнезда, так запутаны, развращены, что, делая свои дурные дела для своих мелких, личных, тщеславных и корыстных целей, они могут быть так ослеплены, чтобы считать свою преступную деятельность исполнением своей обязанности, и потому, толкуя о компенсациях, конференциях и т. п., не чувствовать своей преступности и даже для достижения своей цели желать убийства ближних, войны, к которой они всегда готовятся. Но трудно уже понять в наше время, для чего те простые рабочие люди, которые составляют народ и дают своими трудами возможность жизни тем, кто ими распоряжается, будь это босняки, герцеговинцы, сербы, черногорцы, немцы, русские, поляки, индусы, англичане, французы, – трудно понять, для чего эти люди, тяготящиеся своим рабством, стремящиеся повсюду к освобождению, могут или спокойно переносить свое ничем не оправдываемое и необъяснимое рабство, или для освобождения от него прибегать к тому самому средству, которое было причиной и теперь составляет главную причину их порабощения: к насилию, к войне, к убийству.

III

Когда изучаешь не поверхностно, но основательно различные деятельности человеческие, то нельзя не подумать, сколько тратится жизней для продолжения на земле царства зла, и как этому злу содействует больше всего существование государств и вследствие этого учреждение правительств.

Удивление и чувство печали увеличиваются еще при мысли о том, что всё это не нужно, что всё это зло, принимаемое так благодушно огромным большинством людей, происходит только от их глупости, только оттого, что они позволяют относительно малому числу людей, искусных и развращенных, властвовать над собой.

Патрис Ларрок.

Если мог быть когда-нибудь нужен патриотизм, что он теперь? Что он для людей больших государств, положим, для меня в России?

Патриотизм для всякого члена большого государства, для меня, русского, это то, чтобы быть не только не в любви с тысячами, миллионами людей, поляков, финнов, евреев, разных кавказцев, а быть предметом ненависти людей, которым я не делал никакого зла и с которыми не имел никаких сношений. Для маленьких же, порабощенных народностей это еще хуже: это в духовном отношении причина оправдываемой ненависти к людям совершенно чуждым, и в области материальной причина целого ряда угнетений, лишений, страданий. И это-то отсталое, грубое и нравственно и материально зловреднейшее чувство проповедуется и внушается всеми средствами внушения теми, кому это выгодно, и наивно и глупо принимается как добродетель и благо теми, кому оно явно вредно.

Ведь хорошо было говорить об аннексиях, компенсациях, конференциях и угрожать войнами 500, 100, даже 50 лет тому назад. Хорошо было в те времена перекидывать одуренные, обманутые народы, как продажных рабов, от одних хозяев к другим, от турок к русским, от русских к немцам и т. д. Хорошо было в те времена, под влиянием патриотически воинственного гипноза, ввергать сотни, тысячи, десятки, сотни тысяч людей в бессмысленное, озверяющее людей смертоубийство, как это хотят делать теперь одурманенные гипнозом некоторые части сербского народа. Но ведь время не стоит, не стоит и материальное и, главное, духовное развитие людей. Ведь подвиги храбрых Кара-Георгиевичей, которыми так гордятся сербы, имели смысл сотни и сотни лет тому назад. Теперь же такие подвиги не только не нужны, но вредны и даже были бы смешны, если бы не были так ужасно зловредны.

И потеряли эти подвиги свое значение не оттого только, что вместо прежних мечей и лат есть теперь пулеметы, браунинги, всякого рода пароходы, аэропланы, железные дороги, телеграфы, печать, вследствие которых тотчас же известно всему миру то, что делается в каждом конце его; не оттого только потеряли значение патриотизм и воинственная храбрость и получили значение совсем другие свойства людей, что изменились материальные условия жизни, а потеряли они значение и требуется совсем другое оттого, что изменилось всё духовное состояние человечества. В наше время народам, над которыми совершается грубое насилие, как то, которое совершается теперь над славянскими народами, нужен не счет штыков и батарей и не заискивание у жалких, несчастных, заблудших, одуренных своим мнимым величием людей, как разные Габсбурги, Романовы, Эдуарды, султаны с их дипломатами, министрами, генералами и войсками, а нужно совсем другое. Нужно сознание людьми своего человеческого, рав-

ного для всех людей достоинства, не допускающего ни распоряжения одних людей жизнями других людей, ни подчинения этих людей другим каким бы то ни было людям. Сознание же это возможно только для тех людей, которые знают свое назначение в жизни и следуют тому руководству поведения, которое вытекает из этого познания. Знают же свое назначение в жизни и следуют вытекающему из него руководству поведения только те люди, у которых есть религия.

IV

Я живу, живу нынче еще; завтра очень может быть, что меня не будет, что я навсегда уйду, откуда пришел. Пока я живу, я знаю, что, если я в любви с людьми, мне хорошо, спокойно, радостно, и потому, пока я живу, я хочу любить и быть любимым. И вдруг приходят люди и говорят: пойдем с нами обирать, казнить, убивать, воевать, тебе будет от этого лучше, если не тебе, то государству. Что такое? Какое государство? Что вы говорите? – ответит всякий не ошалевший, разумный человек. – Оставьте меня в покое. Не говорите таких глупостей и гадостей.

Для непробудившегося человека государственная власть – это некоторые священные учреждения, составляющие органы живого тела, необходимое условие жизни людей. Для пробудившегося же к религиозному пониманию жизни человека то, что называется государственной властью, это только люди, приписывающие себе какое-то фантастическое значение, не имеющее никакого разумного оправдания и посредством насилия приводящие свои желания в исполнение. Для пробудившегося человека это заблудшие и большей частью подкупленные люди, насилующие других людей, точно такие же люди, как и те разбойники, которые схватывают людей на дорогах и насилуют их. Древность этого насилия, размеры насилия, организация его – не может изменить сущности дела. Для пробудившегося человека нет того, что называется государством; и потому нет оправдания всем совершенным во имя государства насилиям, – невозможно участие в них. Насилие государственное уничтожится не внешними средствами, а только сознанием пробудившихся к истине людей.

Несколько лет тому назад сидел в австрийской тюрьме, в числе сотен отказывающихся от военной службы людей из секты назарен, молодой человек той же секты. Мать молодого человека пришла проведать сына. Когда часовой, сжалившийся над ней, допустил ее к окну, из которого она могла видеть сына, мать эта вместо того, чтобы плакаться сыну на свою беспомощность и упрекать его за то, что он бросил ее, закричала сыну: «Не бери ружья, сынок мой золотой. Помни бога». И сын послушался и матери, и своего внутреннего голоса и остался досиживать свои 15 лет тюрьмы, к которым приговорило его австрийское правительство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.